

Е. О. Студенцова
(Архангельск)

К истории создания музея Сталина в г. Сольвычегодске (1934—1936 гг.)

В Государственном архиве Архангельской области в фондах отдела народного образования Северного краевого исполнительного комитета (Севкрайон) и Северного краевого комитета ВКП(б) имеются интересные документы о создании в г. Сольвычегодске дома-музея Сталина. Особый интерес представляет переписка директора Сольвычегодского краеведческого музея Петра Николаевича Кондратьева с инспектором Севкрайон по музеям Николаем Васильевичем Лукиным и директором Северного краевого музея Тонковым.

Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) отбывал ссылку в Сольвычегодске дважды: первый раз с 27 февраля по 24 июня 1909 г., второй — с 29 октября 1910 по 6 июля 1911 г. Первая ссылка закончилась побегом.

Первую ссылку и часть второй, с 29 октября по 10 января 1911 г., Сталин проживал в доме Григорова, с 10 января по 6 июля 1911 г. — в доме Марии Прокопьевны Кузаковой.¹ На момент открытия дома-музея было неизвестно, где проживал Сталин в первую ссылку. На это не раз указывал в письмах П. Н. Кондратьев. Единственная на тот момент хозяйка первого дома Ольга Ивановна Башкина проживала постоянно в Архангельске. Но было доподлинно известно, что вторую ссылку Сталин проживал в доме М. П. Кузаковой. В нем и было решено устроить дом-музей. Дом М. П. Кузаковой небольшой, деревянный, одноэтажный, с мезонином над средней частью, построен в начале XX в. В доме три комнаты, кухня-прихожая и сени. Большую часть дома занимала комната в восемь окон, выходящая на улицу, в ней проживали в разное время политические ссыльные, в том числе и Сталин. В других комнатах помещалась семья Кузаковой. Мезонин (антресоль) — половинный этаж, устраиваемый в высоких комнатах, иногда сдавался, а иногда его занимали владельцы дома. Дом отапливался одной кирпичной голландской печью на антресолях «на деревянных стенах первого этажа» и русской печью на кухне. На зиму ставили две железные времянки, одну в комнате Сталина, вторую на кухне. Мария Прокопьевна имела двоих сыновей — Александра и Константина, проживавших на момент открытия музея в Ленинграде, и дочь в Котласе.

В декабре 1934 г. страна с размахом отмечала 55-летие Сталина. Торжественные мероприятия прошли и в Сольвычегодске. 20 декабря пар-

¹ ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 2. Д. 270. Л. 58.

тийной организацией города, городским Советом и краеведческим музеем был устроен вечер воспоминаний о ссылке Сталина. Выступал с докладом и П. Н. Кондратьев. На следующий день, 21 декабря, в доме М. П. Кузаковой была торжественно открыта комната, в которой были воссозданы интерьер и обстановка в период проживания в ней Сталина. Кроме мебели, в ней были представлены фотоматериалы и исследования о периоде его сольвычегодской ссылки. Из письма директора краеведческого музея П. Н. Кондратьева директору Севкраймузея Тонкову: «На открытие музея хозяйку еле уломал, еле дала согласие. Согласилась под большим моим нажимом и в результате — мною сейчас очень недовольна. Правда, я обещал ей (и думаю, что с Вашей стороны возражений будет), что, заняв переднюю (одну) с 21 декабря — я гарантирую ей то, что условия на сдачу этой передней (которые будут заключены между крайоно и ее сыновьями) будут в силе и действии не с момента их заключения (предположим, в январе 1935 г.), а с 21 декабря 1934 г.»²

Через два дня, 23 декабря, в городе был устроен большой митинг по случаю открытия на доме мемориальной доски, которую привез из Архангельска художник Давыдов, изготовивший ее. Из того же письма: «Маленький ляпсус вышел с годами на доске. На ней указано: „В этом доме жил находившийся в царской ссылке в 1909—10—11 гг. вожь коммунистической партии и мирового пролетариата И. В. Сталин (Джугашвили)“, тогда как т. Сталин в доме Кузаковой жил только в 1910—1911 гг., а в период первой ссылки жил неизвестно где».³ В письме Кондратьева допущена ошибка; как указано выше, Сталин проживал в доме Кузаковой только в 1911 г.

Позднее, в апреле 1935 г., в письме инспектору по музеям Северного края Лукину Кондратьев писал: «Особенно тяжело было в 1934 году, когда этот музей только что организовался (капитальный ремонт, реставрация и т. д., и т. д.). Горсовет и РОНО палец о палец почти не стукнули, особенно первый, чтобы помочь тогда мне, а как все было закончено, начали поздравлять и выносить решения „о вполне удовлетворительной работе музея“». Сколько было тогда разных, казалось, почти непреодолимых трудностей! Ни денег не было, ни строительных материалов, ни рабочих, ни снабжения... Все это теперь в прошлом, но когда вспомнишь, так даже оторопь берет».⁴

Подготовка к открытию дома-музея началась летом 1934 г. Вопрос об организации и деятельности музея стоял на особом контроле ВЦИК, Наркомпроса и Севкрайкома ВКП(б). К делу приступили с полной

² ГААО. Ф. 2838. Оп. 1. Д. 381. Л. 155.

³ Там же. Л. 155об; ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 2. Д. 270. Л. 59.

⁴ ГААО. Ф. 2838. Оп. 1. Д. 381. Л. 40—41об.

серьезностью, ставя перед собой задачу восстановить комнату в том виде, в каком она была на период проживания в ней Сталина. Так, в ГИМ были отправлены образцы обоев и диванной ткани. 5 августа 1934 г. был получен ответ, что подобная декоративная ткань для дивана изготовлялась около 30 лет назад на московской «Трехгорной мануфактуре»: «В настоящее время подобный материал не вырабатывается, валы стесаны. Для изготовления ткани необходимо восстановление валов, что стоит около 7000 (семи тысяч рублей)».⁵ Таких денег у музея, конечно же, не оказалось. Музею были предложены образцы обоев тканей, близкие представленным по качеству и цвету. Ими можно было заменить утраченные ткани. Но сделано этого не было. На ремонт дома Севкрайком ВКП(б) выделил 5 тыс. руб. Осенью 1934 г. Сольвычегодск посетил кинооператор, снимавший для хроники город, дом-музей и М. П. Кузакову.

В том же году директор краеведческого музея П. Н. Кондратьев написал небольшую брошюру о сольвычегодской ссылке Сталина и доме Кузаковой. Севкрайком ВКП(б) дал согласие на ее редактирование и издание. Узнав об этом, директор краевого музея Тонков летом 1934 г. выразил неудовольствие, что работа эта проходит через его голову, и предложил отдать все материалы для редактирования и издания ему. Собранный Кондратьевым материал служил путеводителем по дому-музею.⁶

Первоначально музей занимал одну комнату, остальные две комнаты и кухню занимала М. П. Кузакова. Заведовал домом-музеем директор краеведческого музея Петр Николаевич Кондратьев, он же проводил экскурсии. В доме постоянно находилась техническая служащая «по впуску одиночных посетителей (она же производит уборку и топку печей)».⁷ Музей работал с 9 до 15 часов, кроме выходного дня. Вход был бесплатный.

Большим стал вопрос о покупке дома. Из письма П. Н. Кондратьева Н. В. Лукину 31 января 1935 г.: «Дом юридически музею еще не принадлежит... Этот вопрос с покупкой дома (или хотя бы части его, т. е. той комнаты, в которой жил Сталин) сейчас является самым большим вопросом. Ведь фактически музей вселился в этот дом почти силой (несмотря на протесты хозяев), и сейчас положение его очень и очень неудобно. Хозяева согласны на сдачу в аренду половины дома и на продажу мебели и обстановки».⁸ Договор на аренду комнаты заключен не был. Хозяевам было обещано, что с момента занятия комнаты

⁵ Там же. Д. 865. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 381. Л. 147.

⁷ Там же. Л. 47.

⁸ Там же. Л. 60б.

им будет выплачиваться арендная плата и выкуплена вся обстановка и мебель. В феврале 1935 г. хозяева не получили из обещанных денег ни копейки, что вызывало «резкие» протесты с их стороны, и, как писал заведующий Котласским роно, дело могло «окончиться неприятным скандалом»⁹.

Северный крайоно 3 марта 1935 г. отправил письмо сыновьям хозяйки в Ленинград с просьбой сообщить подробные условия продажи всего дома, мебели и прочих вещей. Согласие на продажу дома было получено на следующих условиях: Кузаковым выплачивались деньги за дом и предоставлялась квартира в Ленинграде. Вопрос о цене решался всей семьей. Из письма П. Н. Кондратьева: «...старуха сказала мне еще вот что, если, говорит, квартиру дадут маленькую, плохую, то мы не согласимся (она, да двое сыновей, из которых один женат, — площадь-то все-таки нужно не очень маленькую)».¹⁰ Вскоре женился и второй сын. К делу подключился Северный краевой исполнительный комитет, который послал письмо в Ленсовет с просьбой предоставить Кузаковым квартиру в Ленинграде, «т. к. это является сейчас единственным тормозом к окончательному приобретению дома».¹¹ Заключать договор, по мнению Кондратьева, следовало в Сольвычегодске («за свой счет Кузаковы в Архангельск не поедут») и обязательно при его участии. Из письма Кондратьева Лукину 20 апреля 1935 г.: «Вам лишний расход (оплата дороги, суточных и т. д.). Кроме того, многое из деталей договора Вы, не зная точно нашего (музейного) положения, можете упустить, а это впоследствии может плохо отразиться на работе дома-музея. (Например, нужно будет точно оговорить, какие вещи из обстановки и мебели вместе с домом передаются, и т. д. Есть у них, кроме того, амбар-сарай, который нам тоже необходим как склад.) Вы спишетесь с Кузаковыми об основных условиях сделки. Подробно меня об этом информируете и уполномочите на подписание договора... а о всех мелочах и деталях мы урегулируем и утрясем все на месте. После всего этого (только обязательно не иначе как по моему телеграфному сообщению о состоявшемся подписании договора и требованию высылки денег) Вы вышлете деньги в адрес музея... Я выдам их Кузаковой М. П. после подписания договора под расписку (распишется и сын ее)... Ни в коем случае нельзя высылать денег прямо в их адрес, это может привести к очень неприятным для музея и для Вас последствиям».¹²

Среди прочих вещей у Кузаковых имелась домовая книга, в которой были записаны все политические ссыльные, жившие в их доме, с ука-

⁹ Там же. Л. 15–15об.

¹⁰ Там же. Л. 41об.

¹¹ Там же. Л. 38.

¹² Там же. Л. 42–42об.

занием дат их прибытия и выбытия, пометками полицейских надзирателей и автографами ссыльных, в том числе и Сталина. Книга могла стать для музея экспонатом первостепенной значимости. О ее получении хлопотал П. Н. Кондратьев. До 1933 г. книга находилась в Сольвычегодске, затем сыновья увезли ее в Ленинград из-за боязни, что мать «с глупу» отдаст ее кому-нибудь. На просьбы директора о передаче книги музею Александр Кузаков ограничился лишь тем, что снял с нее рукописную копию и прислал ее в музей. Кондратьев опасался, что такой ценный экспонат попадет в Ленинградский музей революции. «Ленинградская вечерняя газета» опубликовала заметку о домовой книге, ошибочно указав, что находится она в Сольвычегодске. Опровержение Кондратьев писать не стал: «Лучше, если Ленинградский музей революции не будет знать, что у него под боком этот замечательный экспонат. У них ведь денег не у нас, возьмут да как дадут кругленькую сумму, глядишь, и прощай тогда экспонат».¹³ Позднее домовую книгу приобрела Москва.

В июле 1935 г. Александр Кузаков приехал в Сольвычегодск для заключения договора. Желанию Кондратьева лично заключить договор не суждено было исполниться: в мае он был призван на военную службу и отправлен в Карелию. Музей был оставлен на одного сторожа, ему на добровольных началах помогал присматривать за музейными ценностями отец Петра Николаевича (имя установить не удалось). В августе 1935 г. для заключения договора в Сольвычегодск приехал Николай Васильевич Лукин. Осмотрев краеведческий музей, отметил, что музей ему понравился, «но очень много нужно изменить и сделать иначе».¹⁴

6 августа 1935 г. между М. П. Кузаковой, с одной стороны, и инспектором по музеям Н. В. Лукиным и председателем Сольвычегодского горсовета В. И. Низовцевым, с другой стороны, был заключен договор о покупке дома с надворными постройками и колодезем за 3500 руб. Договор вступал в силу после получения квартиры в Ленинграде, тогда же выплачивались деньги. До того момента Кузаковой полагалось за использование части дома под музей 40 руб. в месяц, считая с 1 августа 1934 г. К 1 сентября 1935 г. предполагалось выплатить арендную плату 480 руб. из средств крайоно. Находившиеся в комнате мебель и предметы домашнего обихода, бывшие ранее в пользовании политссыльных, а также Сталина — деревянная кровать, деревянный диван, обитый материей, два деревянных стола, пять стульев, два полукресла обитых, два столика маленьких, две тумбочки угловые и круглые, картинка на стене, зеркало настенное, глиняная статуэтка собаки, три кактуса в вазонах, керосиновая настольная лампа, сахарница из проволоки, железная

¹³ Там же. Л. 44.

¹⁴ Там же. Л. 167.

печка, — приобретались Севкрайоно за 400 руб., которые также следовало выплатить хозяйке не позднее 1 сентября 1935 г. Остальную мебель и домашнюю утварь, бывшую в личном пользовании Кузаковой, музей было приобрести для музея позднее при полной передаче дома.¹⁵

15 августа 1935 г. Лукин писал Кондратьеву: «С Кузаковыми вопрос решен. Собственно, никаких затруднений я не встретил. Я договаривался с ними вместе с председателем горсовета т. Низовцевым. Вообще же нельзя было слишком уж торговаться, т. к. все-таки вещи и дом нельзя расценивать как обыкновенные предметы; с этой точки зрения это просто старая рухлядь, но с исторической — это реликвии, связанные с определенным периодом жизни вождя. Да, кроме того, Кузаковы ценили ее недорого. Учитывая, что им везти эти вещи нельзя, раз их надо продавать, а в Ленинграде кое-что покупать придется — мы ценили эти вещи не по ценам новых и не по ценам Сольвычегодска, а средним рыночным. Кузаковы во всем соглашались».¹⁶

19 августа 1935 г. Н. В. Лукин составил подробную докладную записку о доме-музее Сталина, которая была представлена Севкрайкому ВКП(б). После окончательного оформления договора о продаже дома и выезде из него хозяйки музей необходимо было развернуть в доме по следующему плану: в первой комнате (считая от входа), где жил Сталин, сохранить ту обстановку, которая была в пользовании Сталина и других политссыльных. Необходимо было добавить большой портрет Сталина, полное собрание его сочинений, витрину с полным подбором фотоснимков, относящихся ко времени его пребывания в сольвычегодской ссылке. В остальных комнатах предполагалось расположить выставку на тему «Жизнь и деятельность И. В. Сталина», от самых первых документальных материалов биографии Сталина «до самых последних». Для этого необходимо было использовать богатые материалы Музея революции СССР и выставку Союзфото, подготовленную к 55-летию Сталина. В кухне-прихожей планировалось развернуть выставку по истории ВКП(б) и Коминтерна, здесь же регистрировать посетителей и предлагать им книгу отзывов. «В кухне и 2-х небольших комнатах, прилегающих к комнате т. Сталина, возможно сохранить еще часть обстановки и предметов, бывших в пользовании хозяев, но косвенно использовавшихся для нужд квартирантов, политссыльных (часы, самовар, стол, некоторая утварь и т. д.)».¹⁷

Перед домом необходимо было устроить палисадник, посадить кустарники и цветы, во дворе разбить цветник и поставить скамейки для отдыхающих. «Хорошо, если будет поставлен на специальном поста-

¹⁵ Там же. Л. 302—302об.

¹⁶ Там же. Л. 167об.

¹⁷ Там же. Л. 293об.—294.

менте хороший бронзовый или алебастровый бюст Сталина, среди цветника».¹⁸

Организацией выставок и оформлением музея должен был заниматься Краевой музей революции под наблюдением Истпарта. Некоторые материалы уже имелись в музее, часть необходимо было заказать в Музее революции СССР. Также нужно было исправить запись на мемориальной доске.

16 сентября 1935 г. Н. В. Лукин, обеспокоенный тем, что Кузаковой не были выплачены деньги, просил заведующего Севкрайон Н. Д. Сладкова немедленно перевести ей 560 руб. за аренду комнаты и 400 руб. за вещи. Всего же для музея необходимо 5060 руб.: 3500 руб. за дом, 960 руб. за аренду и мебель, 600 руб. за оставшуюся мебель.¹⁹

В октябре 1935 г. техническая служащая из дома-музея была уволена. Вот что об этом писал Кондратьев Лукину 24 октября 1935 г., демобилизовавшись из армии: «Главная причина Вам уже известна (любит потрепать языком — хотя об этом ей было настрого заказано при самом поступлении на работу). Кроме того, она ленива и не соответствует своему назначению. В том смысле, что где не нужно, так язык у нее сплетница, а когда надо что рассказать экскурсанту, так она и двух слов связать не может. Плохо то, что хорошо грамотного человека за 50 руб. в месяц не найдешь. Можно найти лишь относительно лучше».²⁰ Странным кажется тот факт, что Мария Прокопьевна Кузакова, хозяйка дома, свидетельница жизни Сталина, не была принята на должность смотрительницы дома. В том же письме читаем: «Я их дипломатически всегда отговаривал от этого дела, потому что имел на этот счет определенную установку от Тонкова (в бытность его инспектором музеев края). Тонков же мне сказал (я был в Архангельске летом 1934 г.), что председатель крайисполкома (тогда Прядченко) дал в этом отношении категорическую установку ему и зав. крайоно Березе. Я, понятно, знал и знаю, в чем тут дело, и поэтому убедил Кузаковых в неприемлемости этого варианта... Совершенно ясно, что такие условия Кузаковых вряд ли приемлемы для нас (т. е. оставление старухи в качестве служащей). Это было бы в высшей степени нетактично и неумно».²¹ В конце письма Кондратьев задавался вопросом: «Нужно точно установить название музею Сталина (музей революции или дом-музей Сталина или еще как?)».²² В архивных документах музей именуется и как дом-музей Сталина, и как музей революции, и как филиал Сольвычегодского краеведческого музея.

¹⁸ Там же. Л. 293об.

¹⁹ Там же. Л. 277—277об.

²⁰ Там же. Л. 195—195об.

²¹ Там же. Л. 196—197.

²² Там же. Л. 201об.

В 1935 г. для дома-музея была составлена расходная смета на 4500 руб., из них: на оборудование выставок — 200 руб., на бюсты (Ленина, Сталина, Маркса, Энгельса) — 400 руб., на портреты — 20 руб., на литературу — 400 руб., на материю, цветы, занавески — 300 руб., на мебель (витрины, стеллажи) — 400 руб., на стулья и столы — 300 руб., на оборудование цветника и палисадника — 50 руб.²³ На оставшиеся деньги был проведен ремонт дома: укреплен фундамент, перекрыта крыша, переложена печь, выкрашен пол в комнате Сталина. Работы производились в отсутствие директора музея, руководил ими отец Кондратьева. Осенью перед домом был установлен электрический фонарь.

В октябре 1935 г. Севкрайон просил музейный отдел Наркомпроса подобрать достойного кандидата на должность директора музея революции в Сольвычегодске. «Работник нужен опытный, желателен член ВКП(б). Музей должен стать показательным в крае, ибо для его работы созданы все условия, отпущены дополнительно средства и зарплата работника 300 руб. в условиях Северного края, особенно г. Сольвычегодска, является достаточной... дело тормозится отсутствием работника».²⁴

Дело с квартирой в Ленинграде затянулось. 2 ноября 1935 г. Н. В. Лукин сообщил председателю горсовета В. И. Низовцеву о переводе в адрес горсовета 3500 руб. для уплаты Кузаковой за дом. Деньги предписывалось выдать немедленно. Кроме того, необходимо было предоставить ей квартиру в Сольвычегодске до тех пор, пока не разрешится вопрос о ее переезде в Ленинград. Таким образом, была предпринята попытка полностью освободить дом для музея. 28 ноября Кондратьев писал Лукину, что Кузакова отказывается получать деньги за дом до тех пор, пока не будет выделена квартира в Ленинграде; «видимо, ее „проинспектировали“ соответствующим образом сыновья»²⁵. Продавать остальную мебель она тоже не собирается, а будет требовать согласно договора за аренду комнаты по 40 руб. в месяц. «Учтите, т. Лукин, что без сыновей она и шагу не ступит. Все дело в них, но ради приличия и вежливости они (т. е. сыновья) ссылаются всегда на мать, сваливают все на нее (будто бы ее воля, как она хочет, а они де тут ни при чем. Фактически же все наоборот. Все дело в сыновьях. Мечту об оставлении матери в доме в качестве хранительницы они, видимо, оставили, но квартиру в Ленинграде требовать будут. Надо бы выхлопотать пенсию Кузаковой, тогда б они стали сговорчивее. Об этом есть постановление горсовета. Вы это наверняка знаете. Я об этом тоже писал. Кроме того, Кузакова имеет действительно заслуги перед революцией».²⁶ Попытка выселить

²³ Там же. Л. 277об.

²⁴ Там же. Л. 309.

²⁵ Там же. Л. 216об.

²⁶ Там же. Л. 216об., 217.

Кузакову из дома не удалась. Она согласилась лишь отдать музею соседнюю проходную комнату с антресолью (мезонином), оставив за собой кухню и еще одну жилую комнату.

В том же письме от 28 ноября 1935 г. Кондратьев вновь размышлял о реставрации музея. Помещать домашние цветы в комнате Сталина, по мнению Кондратьева, было нецелесообразно, это приведет к искажению ее вида (в действительности цветы в комнате были). Если разместить их в остальных комнатах, то сократится экспозиционная площадь. «Принимая же во внимание то обстоятельство, что у Кузаковой купим все шторы, столы, мебель и т. д., то размещение выставок будет вообще затруднительным по недостатку площади. А ведь нужно оставить проход для посетителей. Правда, в мезонине пусто совершенно, но он тоже невелик, а выставки, наверное, будут солидные? Куда же будем помещать цветы? Часть выставочного материала можно, конечно, разместить в комнате — квартире т. Сталина, но я так лично считаю, что это будет нехорошо. Мое мнение — эту комнату занимать для выставок нельзя и не стоит, а оставить ее как исключительно меморативно-бытовой уголок в музее. И даже, собственно, не уголок, а стержень всего музея, вокруг которого (в других комнатах) уже разместить весь выставочный материал, который будет являться логически необходимой дополнительной экспонатурой (но уже как фон, во втором плане)... На переднем плане сольвычегодская ссылка вождя, его квартира. А на втором — все остальное... Цветники во дворе и перед домом будут иметь большое эстетическое значение, но не будут ли они отчасти искажать вид около дома в сравнении с тем видом, какой был в 1911 г.? Цветников тогда не было. Хотя, пожалуй, греха тут никакого не будет».²⁷ По мнению директора, придерживаться до тонкостей всех реставрационных строгостей по части вида около дома не стоило.

П. Н. Кондратьев стремился представить комнату в том виде, в каком она была в 1911 г. Со стен удалили обои, так как таких обоев, какими была оклеена комната ранее, найти не удалось. Комната стала темной и неудобной. Стояла ничем не прикрытая голая деревянная кровать, подушку, матрац, одеяло увез с собой Сталин. Создать копию не смогли, стелить что-либо другое не стали. Единственное, что хотел Кондратьев, повесить портрет Сталина в комнате. Но этого сделать не разрешили.

С 11 ноября по 1 декабря 1935 г. Н. В. Лукин был командирован в Москву и Ленинград для решения вопросов по дому-музею Сталина. В Ленинграде решался вопрос о квартире. Дело обстояло так: «у братьев Кузаковых есть на 4-х человек две комнаты в разных местах, хотя в одном доме. Желают взять из Сольвычегодска свою мать и получить

²⁷ Там же. Л. 209об.—210.

три комнаты в одной квартире. Добился в президиуме Ленсовета, что им дают еще одну комнату и окажут содействие в обмене 3-х разных комнат на одну квартиру. Договорился с ними о покупке остальных вещей их дома и о том, что если до отъезда матери в Ленинград мы займем весь дом целиком, ей будет предоставлено помещение в Сольвычегодске до ее отъезда. Ввиду своей старости одна она ехать не может, а сыновья смогут за ней приехать не ранее февраля».²⁸

По выставкам выяснилось, что ни одна организация в Москве и Ленинграде, кроме исторического опытно-показательного музея, выставок, указанных в докладной записке Лукина от 19 августа 1935 г., не производила, а готовых в продаже не было. Музей революции СССР выполнял заказы лишь в исключительных случаях. Таким случаем оказался заказ сольвычегодского музея. Сотрудниками Музея революции была подобрана основная выставка о жизни и деятельности Сталина. Было заказано 400 снимков, половина в дублетный фонд. По другим темам («История ВКП(б)», «Соцстроительство») был дан заказ историческому опытно-показательному музею. Ориентированная стоимость выставок — около 3000 руб. В Центральном библиотечном коллекторе Лукин подобрал для библиотеки музея сочинения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.²⁹ Вологодский государственный музей в июне 1935 г. отправил материалы по ссылке Сталина и Молотова.

Из письма П. Н. Кондратьева Н. В. Лукину 27 июля 1936 г.: «Музей не имеет возможности купить бронзовый бюст т. Сталина, оплатить расходы по изготовлению мебели для библиотеки, купить красную материю, зимние цветы и т. д. В настоящее время отсутствие средств срывает дальнейшее расширение дома-музея Сталина. Бюст намечено поставить перед лицевым фасадом дома-музея».³⁰ В том же году во дворе дома-музея был установлен на постаменте небольшого размера бюст Сталина. Бюст был прислан из Москвы с дефектом (правая часть лица имела впадину), требовалась срочная замена.³¹

3 августа 1936 г. с Кузаковой был заключен второй договор о приобретении для музея следующих предметов: большой медный самовар с подносом, настенное зеркало, цветы в горшках большие (фикус и «елочка»), цветы маленькие («алой» и фуксия), шкаф большой стеклянный с выдвигаемыми ящиками коричневого цвета, шкаф деревянный простой темного цвета, часы настенные с маятником, два стула, две деревянные скамьи, медный умывальник, два деревянных стола (черного и желтого цвета), один столик небольшой красного цвета, маленький

²⁸ Там же. Л. 285.

²⁹ Там же. Л. 285—285об.

³⁰ Там же. Д. 646. Л. 87—88.

³¹ ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 1236. Л. 18.

угловой треугольный столик темно-красного цвета, скамеечка для больших цветов, кухонный стол с шкафчиками внизу (краска стерлась), деревянный наблюдатель, три тарелки (одна глубокая, две мелких и десертная), ведро оцинкованное, колодезная «кошка», план дома на ватмане, вычерченный в 1908 г., три шторы, плетенные из тонко выструганных деревянных прутьев, картина на стене с изображением двух девочек, поднос железный для стаканов. Вещи приобрел Севкрайоно за 750 руб. До отъезда Кузаковой они находились в ее пользовании и передавались музею только после ее отъезда.³²

В ноябре 1936 г. заведующий истпартотделом Севкрайкома ВКП(б) Пирогов посетил дом-музей Сталина и составил докладную записку о его состоянии. Музей организован в двух комнатах. Состояние дома было признано как «совершенно неудовлетворительное». «В музее даже не восстановлена как следует обстановка в комнате, в которой жил тов. Сталин, а жизнь и революционная деятельность отражены совершенно неудовлетворительно».³³ Особое внимание Пирогова привлекла ничем не прикрытая кровать, на которой спал Сталин. По словам Кузаковой, матрац был походный, тонкий, во всю кровать, с черно-белыми полосками, подушка небольшая, одеяло из разных шелковых лоскутков с загибами. «Восстановить точно очень трудно. У нас так шить не умеют» (Кузакова).³⁴ Два кресла в комнате стояли на том же месте, как было при Сталине. Стульев в комнате было 12 штук, «по два в каждом простенке» (Кузакова).³⁵ На момент обследования в комнате имелось пять стульев, три стула находились в пользовании бывшей хозяйки и четыре стула утрачены. Никаких мер к приобретению недостающих стульев не предпринималось. По словам хозяйки, в Сольвычегодске у Мелентьева были точно такие же стулья, приобретенные в одно и то же время у Шемогодской артели. В простенках стояли три небольших столика и два круглых столика в углах. Два столика, находившиеся в простенках передней стены, были покрыты белыми скатертями, третий столик у боковой стенки был покрыт газетами «на кнопках». Несмотря на то, что у хозяйки сохранились образцы скатертей и их легко можно было приобрести, этого сделано не было. Два небольших круглых столика по углам стояли так же, как и тогда, ничем не прикрытые. В комнате находился также круглый стол, покрытый синей клеенкой. На момент осмотра клеенка оказалась порвана. «Реставрировать клеенку имеется полная возможность. Подобную клеенку найти можно».³⁶ «Простой

³² ГААО. Ф. 2838. Оп. 1. Д. 646. Л. 297–297об.

³³ ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 1236. Л. 18–19.

³⁴ Там же. Л. 19.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 20.

диван сейчас с изорванным сидением прикрыт красной материей. В момент пребывания Сталина цветная материя сидения была не изорвана».³⁷ По мнению Наркомпроса, подыскивать совершенно такую же ткань не обязательно, можно заменить схожей.

На окнах комнаты висели простые белые занавески. В момент обследования такие же занавески были только на пяти окнах, на остальных окнах никаких занавесок не было вообще. На полу от дверей до противоположной стены, на которой висело зеркало, был положен половик, сотканый из белых, черных, красных полосок. Образец этого половика сохранился у бывшей хозяйки, но, несмотря на это, половика в комнате не было. Также, по словам Кузаковой, в комнате стояло 12 штук домашних цветов. «Была пальма до потолка», жасмин, олеандр, кактус и «разные мелкие летние цветы»³⁸. На момент осмотра в комнате имелся кактус и несколько маленьких цветов. По словам хозяйки, подобные цветы можно было найти в Сольвычегодске. Находившаяся в квартире железная печка стояла так же, только дверцы были к передней стене. Фотоснимки и фотодокументы были размещены на стенах комнаты. Пирогов обязал Сольвычегодский краеведческий музей, Котласские райисполком и районный комитет ВКП(б) устранить все недостатки и замечания.

В 1936 г. музей пополнился следующими выставками: из Музея революции СССР прислали фотовыставку о жизни и деятельности Сталина, из Историко-революционного музея — «Большевики в 1905 г.». Последняя была прислана на 21 щите и размещена частично в комнате, примыкающей к кухне, частично в мезонине. Из Великого Устюга были перевезены ранее неизвестные материалы о сольвычегодской ссылке Сталина.

Дом-музей пользовался большой популярностью у населения, за январь—март 1935 г. его посетило более 2000 человек. В том же году пять московских железнодорожников организовали лыжный пробег по маршруту Москва—Сольвычегодск, длившийся 26 дней. Цель пробега — ознакомление с местами ссылки Сталина, кроме того, пробег имел большое спортивное и оборонное значение.³⁹ Музей вел широкую общественную работу: читались лекции о сольвычегодской ссылке Сталина, о доме-музее, устраивались специальные вечера, посвященные этим вопросам.

В 1936 г. стало известно, что Сталин первую ссылку жил в доме Григорова (Башкиной). Дом стоял напротив дома Кузаковой, на другой стороне улицы. Было решено выкупить для музея и этот дом, так как

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 21.

³⁹ ГААО. Ф. 2838. Оп. 1. Д. 379. Л. 65об.

весь экспозиционный материал в доме Кузаковой не помещался.⁴⁰ Дом был куплен в 1937 г. за 3500 руб. К тому времени все реставрационные работы, кроме мелких деталей, в первом доме были закончены. В мае 1937 г. Кузакова выехала на постоянное место жительства в Ленинград в предоставленную ей квартиру. С покупкой второго дома дом Кузаковой получил название «Домик Сталина», а сам музей стал называться официально Сольвычегодский музей революции.

⁴⁰ Там же. Д. 646. Л. 369об.—370.